

АНЯ ГЕТЬМАН ШМЕЛЬ

NoAge ЕСТЬ СМЫСЛ
polyanoria

2024

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)-44
Г44

Дизайн обложки и макета Марии Касаткиной

Гетьман, Аня.

Г44 Шмель : [роман] / Аня Гетьман ;

Санкт-Петербург : Polyandria NoAge, 2024. – 256 с.

ISBN 978-5-6050404-9-1

© Аня Гетьман, 2024

© Издание, оформление. ООО «Поляндрия

Ноу Эйдж», 2024

Шмель

1

На улице что-то выло. Я тупо смотрела на витрины супермаркета. Нужно было выбрать продукты и гигиенические товары. Нужно было выбрать масло, творог, хорошие овощи, туалетную бумагу. Двухслойная, трехслойная, ультрамягкая, эко, премиум, ультратонкая, для женщин в затянувшихся отношениях, для женщин в конфетно-букетном, для замужних, для женщин в разводе, для женщин, не определяющих свою идентичность через мужчину. Я, наверное, совсем себя не чувствую, если не отличаю одну от другой.

От покупательницы с румяными щеками пахнуло материнским холодом. Она захихикала и сказала: «Смотри, ну-ка, ничего подозрительного на ценниках?» Ее мужчина захихикал тоже. Он погладил большим пальцем ценник под бумажными полотенцами и кинул делюкс-пачку в корзину. Эти полотенца как тряпки, ими можно и кровь вытирать, не размокнут. «Жизнь испортила себе и всей семье». Я поняла, о ком они говорят, и машинально вытащила телефон. Просят пустить врача. Просят перевести на домашний. Мир меняется, когда я свайпаю, поэтому я свайпаю еще. Получилось добиться специального питания. Свайпаю. Призывают писать письма. Свайпаю. Просят подписать петицию. Свайпаю. Статья: «Как выбрать безопасную туалетную бу-

магу. Лайфхаки». Получается, бывает опасная. Я взяла с енотом. Выложила ее на кассовую ленту и подумала: никто здесь не знает, что у меня это впервые. Я впервые в жизни покупаю туалетную бумагу только для себя.

Сначала я была страшно влюблена в Кирилла. Он забрал меня со второго курса филфака, прямо из школьных отношений — почти тридцатилетний, в модных широких штанах из магазина, где все пустое и белое, он монтировал сериалы про женщин, попадающих в Москву из провинции, мечтал снимать «что-то в духе Бергмана» и не показывал лицо на фотографиях в Инстаграме¹. Он был другим. Он писал: «Котенок, я на смене, напишу позже», и я бочком поворачивалась к однокласснице, сидящей рядом, чтобы она увидела. Он ругался с кем-то по телефону, пока я голая лежала на раскладном диване: «Это ни хуя не задача для постпродакшна, так не делается», и я совсем переставала сомневаться в нем. Человек, читающий Фромма, выбрал *меня*. Случайность — мама забыла про сдачу. Нужно затаиться, не звенеть карманами, и тогда никто не заметит, тогда все пойдет по плану. И я затаилась. У Кирилла всегда были деньги. Однажды он открыл банковское приложение, а я заглянула через плечо — на счету было больше ста тысяч. Я, живущая на десятку, которую присылали из Сибири родители, никогда такого не видела, это было

¹

Деятельность Meta Platforms, Inc. (в том числе по реализации соцсетей Facebook и Instagram) запрещена в Российской Федерации как экстремистская.

чужой жизнью, которая незаслуженно становилась моей. Хотелось присвоить ее поскорее.

Я отчислилась и стала работать. Я видела его ровесниц рядом — с круглыми бедрами, прямым каре, длинными ногтями и фотографиями в зеркало после тренировки по вогу, — я покрасилась в розовый, проколола нос и стала покрывать ногти, чтобы не грызть их в кровь. Я научилась не улыбаться на фотографиях. Я научилась кататься на лонгборде. Я научилась разбираться в подшипниках. Я скачала программу для монтажа. Кирилл свозил меня на концерт Massive Attack в Москву, и я ничего не поняла, но добавила в плейлист все их альбомы — теперь я слушала музыку только альбомами и всем об этом говорила, повторяя слова Кирилла: «Это цельное высказывание, вы же читаете книгу от начала до конца, а не отдельными страницами». Он показал мне Куросаву, и я ничего не поняла, но стала называть его любимым режиссером. Я молчала, чтобы понравиться друзьям Кирилла — музыкантам и шеф-поварам. Они цитировали «С широко закрытыми глазами», а я внимательно слушала, разве что не записывала, и очень хотела, чтобы они всему меня научили.

Через год он сказал: «Давай станем семьей». Он спросил: «Ты понимаешь, о чем я?» Я кивнула как могла, потому что лежала на спине — мы только что занимались спокойным, молчаливым сексом. Когда мы познакомились, я пообещала себе: если дойдет до секса, сразу скажу как есть, всю

правду, чтобы в этих отношениях все было хорошо и по-настоящему, он — другой, не сырой, как предыдущий мальчишка, он опытный и по-родительски понимающий. До секса дошло, и, на всякий случай выждав пятнадцать минут, я остановила его и сказала: «Кстати, от проникновения я не кончаю». Во мне была вся смелость мира, я ликовала и гордилась, но он ответил: «Как это грустно», и лицо его стало по-настоящему печальным и растерянным, будто он долго ехал по указателям и уперся в бетонную стену, а объездных дорог на карте не было. Через пару раз я не выдержала: застонала, как нужно было, затряслась и сказала, что это со мной впервые. Кирилл сжал меня, нежно потерся щекой и поцеловал в ухо, он сказал: «Я так и знал, что все получится. Я подумал тогда: бедная девочка, переживал прямо». Я уговорила себя: не такой уж это и обман. Плюс совершенно не утомительно. В сексе должно быть хорошо обоим. Если ему хорошо только так — пусть будет так. Главное — это процесс, главное — разговор.

Поэтому через год я кивнула, не до конца понимая, что он имеет в виду, и что-то снова зажужжало во мне после затишья. Я знала, что будет дальше: сейчас жужжит только в груди и внизу живота, там же, где Кирилл, потом начнет покалывать кисти и ступни, они будут вечно холодные, мокрые, потом голова завибрирует и постоянно будет гудеть, издавать звуки старого телевизора, к которому поднесли звонящий телефон.

Слово «семья» звучало совсем уж фантазийно, что-то вроде заклинания из сказки, и я не верила, что оно на меня подействует, смешно было думать, что такое может со мной случиться, я брала их всех на слабо — время, Кирилла, систему ЗАГСa. Я чувствовала то же, что в детстве, когда умоляла маму не выдергивать компьютерный шнур из розетки и дать поиграть еще пять минут: просто чтобы заглянуть на следующий уровень, убедиться, что он существует. Я нажимала кнопку на «Госуслугах» и не верила, что она сработает, покупала фиолетовую юбку-пачку в «Этажах» и не верила, что мне ее продадут. Мне было смешно надевать серебряное кольцо и видеть свою фамилию на бланке с гербом.

Теперь нужно было нажать на кнопку, которая подтвердит расторжение брака. В углу письма — видимо, чтобы разрядить обстановку, — векторная иллюстрация: мужчина и женщина повернулись друг к другу спинами. Круто, что все теперь можно вот так, кнопками и через интернет, только я не помню пароль. И код от калитки я тоже не помню и, наверное, запомню месяца через два. Я открыла чат с Юлианной, нашла код, нажала на пуш: «Ежедневный отчет британской...», я прочитала: резервы, транспортировка пехоты, эшелон, мощная автопушка, я подумала, что последний раз смотрела «Могучих рейнджеров» лет пятнадцать назад и не могу вспомнить, кто мне нравится больше, розовый или желтый,

я еще раз открыла чат с Юлианной и нашла код. Тяжелый пакет впивался в запястье. Парадная не была красивой, чистой или грязной, она просто была, и мне это ужасно нравилось: это теперь моя парадная. Я постаралась зайти в квартиру по-свойски, свободно, но на самом деле проверила, как и куда Юлианна ставит обувь, чтобы правильно поставить свою, и не стала бросать шопер в коридоре, как делала раньше. На две пустые полки в холодильнике я выложила пачку ветчины, сыр, несколько глазированных сырков со сгущенкой, кефир, огурцы и помидоры. Я зависла над хлебом — Кирилл всегда хранил его в холодильнике, но мне не нравился холодный хлеб. Открылась дверь кабинета. Женщина низким заплаканным голосом сказала: «Спасибо, тогда я напишу, как что-то пойму...» Мне стало интересно, почему она плачет и что собирается понять. Когда женщина ушла, Юлианна заглянула на кухню. Она всегда улыбалась, но всегда — без зубов, и я не могла рассмотреть, искренняя это улыбка или гостеприимная, она улыбается, потому что хочет, чтобы мне было лучше, или потому что ей хочется мне улыбаться. Такая улыбка уже случалась со мной. Чтобы прогнать эти мысли, я стала думать про холодильник. Казалось, Юлианна меня сканирует. Тоже ждет, пока я решу, куда положить этот хлеб, чтобы сказать себе: «Теперь все ясно, случай классический». Вместо этого она сказала вслух: